

Disney • PIXAR

ХРАБРАЯ
СЕРДЦЕМ

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ ПО МОТИВАМ
ЛЮБИМЫХ МУЛЬТФИЛЬМОВ
И ФИЛЬМОВ DISNEY:

Холодное сердце 2. Опасные тайны

Встречайте Круэллу!

Моана. Легенда океана

Энканто. Край чудес

Малефисента. Сердце вересковых топей

Заклятие Малефисенты. История Спящей красавицы

Малефисента. Владычица тьмы

Жасмин. В поисках звёздного сапфира

Мулан. Герой из рода цветов

Вперёд. В поисках Камня Феникса

* * *

Книги серии

"Злодеи Дисней. Нерассказанные истории"

автора Серена Валентино

МЭГГИ
СТИВОТЕР

ГОРЯЧЕЕ
СЕРДЦЕ

Новая история Мериды

#эксмодетство

Москва
2022

ИСЛАНДЦАМ

ПРОЛОГ

Это история о двух божествах и одной девушке. Случилась она давно-давно, когда Шотландию только начинали звать Шотландией, в замке под названием Данброх.

Первое божество, Кальях, было очень древним. Собственно, одно из её имён так и звучит: Шотландская Старица, хотя в этой ипостаси большинство людей её никогда не видели. Разве только те, кто наделён даром видеть, ощущали её незримое присутствие в яростных бурях или в шумных водопадах, или даже в таянии снега, что стекается в лужи на свежевспаханных полях. Кальях была богиней созидания. По её мановению набухали на деревьях почки. Наливалась соком трава. Росли телята в коровьем брюхе. Поспевали плоды на ветвях. Её делом издревле было создавать и возрождать.

Хитрая была старушенция.

Вечно эта карга любила изловчиться, сыграть шутку, подменить понятия, заморочить голову — и пошла бы на всё, лишь бы добиться своего.

ХРАБРАЯ ДУХОМ

Второе божество, Ферадах, было очень юным. То есть не то чтобы оно жило в мире меньше времени, чем Кальях, — жило-то оно, в некотором смысле, столько же. Однако в отличие от Кальях, которая всякий раз, как становилась видимой, принимала одну и ту же форму, Ферадах являлся каждому, кто его видел, в новом обличье. А значит, познавал себя заново снова и снова, такая вот вечная юность.

Ферадах был божеством распада. Его делом издревле было разрушать. Под его началом пожары опустошали края, мор выкашивал народы, потопаы уносили цивилизации.

Ферадах уничтожал старое; Кальях заботилась о рождении нового.

Так сохранялось равновесие.

К несчастью, они не всегда придерживались единого мнения, в чём это равновесие состоит. Точнее, Кальях не всегда придерживалась. Юный Ферадах оставался безукоризненно честен, потому что пока в твоей жизни всё просто и ясно, судить непредвзято легче. Кальях, напротив, была достаточно стара, чтобы обзавестись предпочтениями. Склонностями. Любимчиками. Другими словами, даже когда иной раз разрушение было полностью оправданно, ей хотелось решить дело в свою пользу.

И вот тогда-то она обычно и начинала плутовать. Испокон веков обводила она Ферадаха вокруг пальца.

В один год, бывало, спасёт от него воина или какое-нибудь семейство, или даже целую деревню. А в следующий год всех потеряет. В иные лета, когда уловки не помогали, она прибегала к чуду, хотя

ПРОЛОГ

чудес в своём распоряжении имела не так уж много. Кальях была стара, но источник, откуда брались её чудеса, — ещё старше, он лежал в самом сердце Шотландии, где возрождению и созиданию всегда благоволили. Годы чудес были особенно редки.

Эта история случилась в такой чудесный год.

В день, когда всё началось, вид на Данброх, словно выраставший из утёса над блестящей гладью озера, открывался особенно красивый. В те студёные зимние дни всё, что не было зелёным или красным, стало чёрным или белым. Чёрная вода под белой грудой откоса. Чёрная дорога к замку под белыми крыльями папоротника на обочинах. Чёрные каменные стены под белыми шапками на зубцах. Снежный покров точно сахарной пудрой запорошил комья дёрна, и замковый двор стал гладким, как глазурь на пирожном. На остролисте зарябили красные ягодки, над каждой дверью повесили по лавровой ветке. А с высоких башен, как и всегда, изящно развевались старые зелёные знамёна.

В замке велись приготовления к рождественской свадьбе. Да-да, тогда тоже было Рождество, и свадьбы тоже были, хотя выглядело и то и другое несколько иначе, чем сейчас. То, на чём сосредоточено внимание в наши дни, а именно: невеста с женихом, букеты, свадебное платье, девичник-мальчишник, подружка невесты и дружка жениха, поцелуй — поцелуй, — всё это не играло в те времена почти никакой роли. На данброхской свадебной церемонии жениху предстояло разве что наскоро подарить невесте кольцо или брошь в присутствии священника, да и покончить с этим поскорее. Никаких там поцелуев. Никакой романтики. Чисто

формальная процедура. Зато следовавшее за ней торжество — вот это было что-то. Гулять могли сутки напролёт. Спектакли-пантомимы, бальные танцы, состязания и турниры, народные игры, ну и, конечно, пир горой. Еда — о, сколько еды! По нынешним меркам сошло бы скорее за городской банкет, чем за одну свадьбу.

А вот Рождество вполне походило на современное. Разве что вместо рождественской индейки подавали кабана или лебедя, да настольные игры у камина давным-давно сменились другими, зато праздничные радости остались те же. Венки из остролиста, стебли плюща, дерзкая омела и весёлые гимны, дюжина коротеньких зимних дней на подарки, дюжина длиннющих зимних вечеров на угощения и глинтвейн. Вот что обычно сопровождало свадебную пирушку.

Свадьба на то Рождество была у Лиззи. Дурашливой милой Лиззи, так давно служившей в замке, что её привыкли считать за члена семьи. Она обожала обряды и всё про религию. Христиане, друиды, иудеи, ведьмы, белые монахи, приспешники Рогатого Бога, жрицы Морриган, Тиронский орден, клюнийцы — все повидали её в своих рядах. Недавно она решила посвятить себя Минерве, римской богине мудрости и ремёсел, и провела пару-тройку недель за прядением и сложением песен про сов — так сказать, для пробы. К счастью, на этом она не остановилась, дошла до астрологии, а вслед за этим — до идеи брака. Свадьбу Лиззи всегда хотела именно рождественскую — это же такое идеальное сочетание: и обряд, и религия в одном флаконе. И вот наконец-то

ПРОЛОГ

нашла человека, который согласился выступить вместе с ней в главной роли. В Данброхе его звали Кабачком.

На вкус кабачок так себе, зато полезно. Кабачок сойдёт.

Однако это история не о Лиззи. Это история о другой девушке из Данброха.

Собственно, Данброхов вообще-то три: замок Данброх — суровый дозорный над обнесёнными лесом холмами; королевство Данброх — край ручьёв и озёр, низинных полей и пастбищ в нагорьях, край белоголовых гор и чёрной полосы моря; и наконец, клан Данброх — король Фергус, королева Элинор, принцесса Мерида и три принца-близнеца: Хьюберт, Харрис и Хэмиш.

И эта история о принцессе Мериде.

Мерида не очень-то походила на манерную августейшую особу, какая обычно представляется при слове «принцесса», скорее — на зажжённую спичку, хотя в то время спички ещё не изобрели. Огненно-рыжие волосы, горящие глаза, искрящий остроумиями ум — её головка была создана, чтобы воспламенять; однако отнюдь не для того, чтобы потом гасить. В стрельбе из лука ей не было равных. Первые десять лет, пока на свет не появились трое маленьких дьяволят, она оставалась единственным ребёнком в семье, и если у других детей могли быть друзья, то у Мериды были только лук да стрелы. И она упражнялась в стрельбе самозабвенно, до автоматизма, каждую удобную секунду, которую её мама не успела отвести под уроки музыки, вышивки или чтения. Было какое-то особое успокоение в стрельбе из лука, которого

ХРАБРАЯ ДУХОМ

Мерида не находила больше нигде. Всякий раз, как она натыкалась на трудности, с которыми не могла справиться, она шла пострелять. Всякий раз, как ей казалось, что она запуталась в своих чувствах, она шла пострелять. Час за часом натирала она себе мозоли на пальцах, набивала синяки на плечах. Но и во сне продолжала целиться между деревьев и забирать в сторону с учётом сильного горного ветра.

В год, предшествующий свадьбе, Мерида прихватила с собой лук и пустилась странствовать по королевству Данброх. Весну она провела вместе с крестьянами в горах, куда они отправлялись жить во времянок, пока стада паслись на горных лугах. Под конец лета она поехала в Морвентон к монахиням изучать словесность и географию. С наступлением осени она снова была в пути, присоединившись к горстке старых отцовских наперсников, взявших на себя труд начертить карту многоликого края Данброх.

Зимой, к свадьбе, Мерида вернулась. Повесила на стенку лук. До чего же надёжным показался ей замок Данброх, который за все эти месяцы странствий ничуть не изменился.

Она не знала, что Ферадах — а вместе с ним и беда — уже близко.

Зато Кальях знала. Старая хитрюга.

А ещё она знала, что Данброху пришла пора пасть жертвой силы Ферадаха. Но Кальях была стара, она не могла судить непредвзято, она имела свои интересы по части клана Данброх.

Кальях решила слукавить.

И вот об этом история.

ЧАСТЬ I

Зима

ТРИ СТУКА

Мерида уже с час уплетала сдобные булочки, когда раздался первый стук.

Булочки были чудесные. Только из печки. Сверху корочка, внутри горячие и пышные. Мерида как раз расправилась со всеми кривоватыми, и теперь приступала к тем, что были идеальной круглой формы. На грубом кухонном столе перед ней возвышалась горка из ещё чуть не сотни — это по-прежнему было куда больше, чем ожидалось гостей на рождественском пиру. Выпечка, собственно, предназначалась для одного дурацкого свадебного обычая, а именно: Лиззи с Кабачком должны были дотянуться и поцеловать друг друга через гору булок. Так что Мерида делала им одолжение, уменьшая гору.

Лиззи — и замуж! До сих пор не верилось.

Уминая сдобу в сумерках ночи, Мерида возила босой ногой по запорошенному мукой каменному полу кухни и задумчиво выводила в муке своё имя. До чего ж приятно ощущать ступнёй холодок пола, а спиной — тепло тлеющего очага. Приятно сжи-

мать нёбом пружинистую мякоть сдобы и ломать зубами хрусткую колкую корочку. Приятно позволить мыслям разбегаться в разные стороны, как любит говорить мама, королева Элинор, и потом прислушиваться ко всякой чепухе, которая сама возникает в голове, вроде того, что её имя наоборот будет Адирем. Адирем, а что, даже ничего. Адирем Данброхский. Моё второе я, подумалось Мериде. Моя тень. Тёмная и задумчивая, равно как Мериды — яркая и подвижная.

Мерида начертала в муке: «Данброх». Надо же, Хорбнад уже совсем не смотрится.

И вот тут-то постучали впервые.

Тук-тук-тук.

Мерида прекратила жевать.

Прислушалась.

Может, кто-то из близнецов? У Хьюберта был уж слишком хитрый вид, когда Мерида потушила у них в комнате свечу на ночь.

Однако в замке царила тишина, какая может царить только в замках. Каменные стены преграждали путь звукам, а гобелены гасили любой шум. Все, кроме Мериды, смотрели сны про грядущую свадьбу и рождественский пир. Должно быть, никакого стука и не было, просто в одном из каминов треснула головешка.

Мерида прикончила начатую булку. С особой тщательностью выбрала следующую, попутно подавляя характерное скорее для близнецов желание вытащить какую-нибудь с самого низа, чтобы поглядеть, как вся гора рухнет на пол. Выбрав в итоге идеально круглую пампушку, Мерида разорвала её надвое, чтобы полюбоваться сеткой трещинок

ТРИ СТУКА

и канальцев внутри. За последние месяцы ей довелось поесть немало разной выпечки, но никакая не могла сравниться с творением Эйлин, замковой поварахи. Лучше Эйлин, известной ворчуньи, упрямыцы и грубиянки, на данброхских кухнях не было никого. Мать Мерида, королева Элинор, шла на многое, чтобы раздобыть для Эйлин самые свежие рецепты, нередко из самой Франции. И всякий раз, когда гонец или голубь доставлял новенький свиток, Эйлин запиралась у себя на кухне на целые дни, чтобы бесконечно пробовать да переиначивать, прежде чем позволяла кому-либо из королевской семьи отведать результат.

Не то чтобы сегодня Мерида совсем уж впервые прокралась на кухню продегустировать стряпню Эйлины.

Уминая очередную булочку, она вспомнила своё торжественное возвращение домой несколькими часами ранее. Объятия, слёзы — и конечно, чтения. В Данброхе всегда очень ценили истории и легенды, и сегодня Мерида с большим пылом, забравшись на стол в тронном зале, поведала домашним Балладу о годе Мерида, красочно изображая все подробности и атакуя ёлочные украшения. Близнецы, отец и Лиззи восторженно её подначивали, а мама, конечно, изображала порицание.

Дом, отчий дом! До чего ж приятно было снова иметь под рукой привычные земные блага, какими располагал замок: жаркие каминны и бесчисленные свечи, еду без червей и укромное отхожее место, постель без вшей и шикарную спальню. Приятно было снова окунуться в прежнюю, знакомую атмосферу: травяной запах кухонь; бардак и вопли

ХРАБРАЯ ДУХОМ

близнецов в коридорах; низкий булькающий кашель отца, когда он сидит в своём кресле у камина; обычаем целовать перед сном мать в щёку, пока она записывает события дня в дневник.

Тук-тук-тук.

Это что, снова?

Вроде бы да. Мягкое троекратное постукивание, точно такое же, как в прошлый раз.

— Хьюберт, я тебя слышу, — прошипела Мерида.

Но кажется, это был не Хьюберт. Куда же стучали — неужели в дверь? С наступлением ночи на ворота замка опускали решётку, так что во двор никто пробраться не мог. К тому же ночью вокруг замка безлюдно. Ближайшее поселение — крошечная деревенька сплошь из чёрных домов — находится в получасе ходьбы, и то если по хорошей дороге, а не по заснеженной и обледенелой, как сейчас, в сочельник.

Мерида выждала. Прислушалась. Никого.

Она принялась за следующую булку.

Однако внутри снова зашевелилось то странное беспокойство, которое и заставило её подняться посреди ночи.

Только откуда бы ему взяться?

По идее, Мерида должна быть счастлива. Свою семью она любит. Дом обожает. Настолько, что никаких слов не хватит описать. Как же хорошо вернуться домой после долгого отсутствия — а там почти ничего не изменилось.

И всё-таки поднявшись вечером на башню к себе в спальню, она долго лежала без сна в холодном лунном свете, который сумел-таки